

МОДЕЛИ НАИМЕНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ В ПОЗДНЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ*

Николай Шимкевич

Независимый исследователь,
Екатеринбург, Россия

NOMINATION PATTERNS FOR POLITICAL PARTIES AND ORGANSATIONS IN THE LATE RUSSIAN EMPIRE

Nikolai Shimkevich

Independent scholar,
Yekaterinburg, Russia

This paper considers the peculiarities of politonymy (political ergonymy) between the two revolutions of 1905–1907 and 1917. The author studies the onomastic patterns that were used to name political parties, movements, and parliamentary associations in the State Duma. In such situations, in order to distinguish political associations from other similar ones, it is important to emphasise different indicators which influence the existing names of associations. The article provides some nominations given by outsider nominators which causes certain peculiarities in politonyms. Methodologically, the article relies on relevant approaches used to study artificial onomastics and conclusions made by the author with reference to the Russian politonymy of the late twentieth and early twenty-first centuries. The author singles out the most vivid differences and loans from earlier politonymy to later politonymy. Additionally, the author provides a classification reflecting the division of parties into ideological groups in national historiography. The author demonstrates that each ideological group has its own dominant model. This may be explained both by objective and subjective reasons. The objective ones are explained by the fact that parties were similar ideologically, had similar structures

---

* *Citation*: Shimkevich, N. (2020). Nomination Patterns for Political Parties and Organisations in the Late Russian Empire. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 5. P. 1565–1580. DOI 10.15826/qr.2020.5.545.

Цитирование: Shimkevich N. Nomination Patterns for Political Parties and Organisations in the Late Russian Empire // *Quaestio Rossica*. Vol. 8, 2020. № 5. P. 1565–1580. DOI 10.15826/qr.2020.5.545 / Шимкевич Н. Модели наименования политических партий и организаций в поздней Российской империи // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 5. С. 1565–1580. DOI 10.15826/qr.2020.5.545.

and history, and were different from other ideological groups. The subjective reasons, i. e. the existence of dominant models, are connected with the functioning of politonyms as elements meant to promote sympathy for the party among a wide range of supporters with the same ideological views. The need to influence different target groups may be explained psychologically, which is reflected in many practical guidelines on advertising and propaganda described in works on commercial ergonymy.

Keywords: onomastics, ergonymy, politonymy, political parties, nomination models.

Рассматриваются особенности политонимии периода между революциями 1905–1907 гг. и 1917 г. Исследуются модели, использованные при наименовании политических партий, движений, депутатских объединений Государственной думы. В этих ситуациях для выделения политических объединений среди однородных имеют значение разные признаки, что влияет на имеющиеся наименования этих объединений. Представлены некоторые наименования, данные сторонними номинаторами, что придает политонимам свою специфику. Методологической базой послужили актуальные подходы, применяемые при изучении искусственной ономастики, а также выводы исследования, проведенного автором на материале русской политонимии конца XX – начала XXI в. Демонстрируются наиболее яркие отличия, а также заимствования из более ранней политонимии в более позднюю. Предлагается классификация в соответствии с разделением партий на идеологические группы, ранее апробированная на вышеуказанном современном материале. Группы соответствуют выделяемым в работах по отечественной историографии. Автор демонстрирует, что каждой идеологической группе присуща своя доминирующая модель. Этому усматриваются как объективные, так и субъективные причины. К объективным относятся сходная идеологическая направленность партий, близкая структура и история возникновения, отличающие их от других идеологических групп. К субъективным – функционирование политонима как элемента привлечения симпатий широкого круга сторонников, придерживающихся сходных с партией идеологических установок. Необходимость воздействия на различные целевые группы обусловлена психологически, что нашло отражение в многочисленных практических руководствах по рекламе и пропаганде, описанных в исследованиях по коммерческой эргонимии.

Ключевые слова: ономастика, эргонимия, политонимия, политические партии, номинативные модели.

Политическая эргонимия, или *политонимия* (от др.-греч. πολιτική ‘общественная деятельность, политика’ + ὄνυμ ‘имя’), то есть совокупность наименований политических партий, движений, союзов, избирательных блоков, по сравнению с другими разрядами эргонимов изучена мало. Существующие публикации носят по преимуществу постановочный характер [Попова; Ткаченко]. Ключевым моментом

осмысления материала видится политонимическая ситуация, под которой понимается совокупность политонимов, функционирующих в определенных пространственно-временных и ситуативных рамках (Россия, начало XX в.).

В исследовании используется классификация политонимов по пяти номинативным моделям, предложенная ранее [Шимкевич]. Первые четыре модели отражают различные стороны политического действия: идеологическая указывает на декларируемую идеологию; представительская – на социальную базу либо на предполагаемых исполнителей; манифестационная – на цель политического действия; концептуальная – на отношение к действию либо его результатам, представленное в виде идеалистического образа. Пятая модель – десемантизированная – реализуется в тех случаях, когда политоним никак не отражает политическое действие, необходимость осуществления которого декларирует партия.

Многие политонимы содержат географические указания на государство, регион или город. В рамках данной классификации эти элементы не образуют отдельной модели, так как не имеют никакого отношения к политическим декларациям и предполагаемым политическим действиям поименованного объединения.

Выделенные модели могут сочетаться в рамках одного онима, например: *Российская социал-демократическая рабочая партия* (идеологическая + представительская), *Боевая интернациональная группа анархистов-коммунистов* (идеологическая + представительская + манифестационная). Смешанная модель особо не выделяется, вышеуказанные онимы будут учтены, соответственно, дважды и трижды. Цели определения наиболее популярных моделей, отражающих стратегии номинатора, это не мешает и даже помогает, в то время как выделение отдельной смешанной модели привело бы либо к выпадению довольно большого числа материала из анализа, либо к его неоправданному усложнению.

Если рассчитывать популярность модели в процентах от общего числа онимов (это возможно, когда число онимов конечно – например, в политонимии депутатских объединений парламента), учет одного онима два или даже три раза приведет к тому, что сумма процентов всех моделей окажется более ста. Здесь можно усмотреть кажущееся противоречие, на самом деле его нет: при 60 % идеологических и 70 % представительских онимов мы имеем 40 % неидеологических и 30 % непредставительских, то есть число онимов, относящихся и не относящихся к каждой конкретной модели, вместе дает 100 %, при этом более популярная модель будет все так же иметь больший процент.

При описании политонимической ситуации сохраняется традиционное деление партий по идеологическим группам, применяемое в историографии и политологии.

Наличие доминирующих моделей, специфичных для каждой из идеологических групп, может показаться неожиданным: при существующей конкурентной среде их названия должны тяготеть к неким общим наи-

более успешным моделям. Но этот момент получает объяснение при учете того, что партии разного идеологического спектра ориентируются на разные слои общества и проходят разный путь становления¹.

Важной чертой политонимической ситуации является наличие ядра и периферии каждой из идеологических групп. К ядру относятся названия массовых партий и движений, достаточно крупных, чтобы играть заметную роль в политическом процессе империи; к периферии – названия малых объединений (кружков, локальных партий, внутрипартийных течений и т. п.) В ядерных онимах доминирующая модель видна более четко, чем в периферийных. Отнесение нами политических объединений (и, соответственно, политонимов) к ядру или периферии также базируется на оценках историографов.

Принадлежность к именам собственным собирательных наименований внутрипартийных течений, точнее, групп последователей этих течений (*марковцы, дубровинцы, оборонцы, интернационалисты, большевики, меньшевики* и проч.) – вопрос дискуссионный. Формально эти обозначения близки к отонимным апелляциям типа *спартаковцы, динамовцы, уралмашевцы*; в русском языке данный способ обозначения членов организации является одним из основных [Суперанская, с. 194]. С другой стороны, в отличие от указанных апеллиативов, здесь отсутствует породившее их название коллектива или организации (соответственно, *Спартак, Динамо, Уралмаш*). Более того, в политонимии возможен обратный путь: как известно, сначала появились *большевики*, и только потом – партия РСДРП(б). Структурно наименования внутрипартийных течений близки некоторым классам лексики, традиционно относимых к онимам – например, к этнонимам или к соционимам (термин введен В. Поповым, понимавшим его как «обозначение социальных группировок и статусов» [Попов, с. 60]). Сознвая пограничный характер этих наименований, автор не отказывается от их рассмотрения: они не только поддаются анализу с помощью предлагаемой классификации, но и подвержены тем же тенденциям, что и несомненные онимы – названия партий.

Говоря о внутрипартийной политонимии, следует также учитывать, что это наименования объединений, имеющих менее строгую структуру, чем партии, и ставящих перед собой иные задачи (внутрипартийная борьба нетождественна борьбе партии за власть). Данные наименования используются в ином дискурсе – внутрипартийном, а не внешнем. Поэтому можно говорить о них как об отдельной группе – микрополитонимах, обладающих несколько иными свойствами, чем политонимы, называющие партии, движения и т. п. По сравнению с основной группой политонимов, они обладают структурной и функциональной спецификой: зафиксировано использование только двух моделей – манифестационной и представительской (причем исклю-

---

¹ М. Дюверже выделяет «три или четыре социологических типа [партий], различающиеся по базовым элементам, способам их интеграции в определенную целостность, внутренним связям и руководящим институтам» [Дюверже, с. 41].

чительно аттрактивной субмодели); характерны тяга к упрощенным наименованиям, отсутствие рекламной функции.

Историческим контекстом формирования русской политонимии начала XX в. являются революция 1905–1907 гг. и ее последствия, в том числе работа Государственной думы. Появившаяся в этот период достаточно разнообразная и хорошо структурированная партийная система окончательно исчезла в 1920-х гг. в связи с установлением однопартийности. Современная историография отмечает наличие в этот период времени свыше ста политических объединений различной степени состоятельности. Из них «50 были наиболее крупными, около пяти десятков имели общероссийский характер, остальные – национальный» [Зевелев, с. 11]. Часть этих объединений была представлена в Государственной думе, которая также послужила центром формирования ряда новых партий.

Справочник «Политические партии России (первая четверть XX в.)» выделяет пять идеологических групп партий: консерваторы-охранители, буржуазные либералы, неонародники, социал-демократы, анархисты [Политические партии России, 1993]. Можно добавить шестую группу, не сводимую полностью к этим пяти, – автономисты (партии национальных окраин). Подобному делению следуют и другие исследователи [История политических партий России; и др.].

Описание политонимии начнем с **консервативно-охранительной группы**. К ее ядру относятся *Союз русского народа (СРН)*; *Русский народный союз имени Михаила Архангела (СМА)*; *Русская монархическая партия (РМП)*; *Совет объединенного дворянства (СОД)*; *Союз земельных собственников*; *Союз землевладельцев* [Политические партии России, 1993, с. 13–37].

Доминирующей здесь является представительская модель: каждый из политонимов ядра данной группы имеет компонент, апеллирующий к «русскому народу», «землевладельцам», «московским дворянам, верным присяге» и т. п. Некоторые из ядерных политонимов образованы по двум моделям: *Русская монархическая партия* (представительская + идеологическая модели), *Русский народный союз имени Михаила Архангела* (представительская + концептуальная). К ядру относится и широко известный внешний политоним *Черная сотня* (для СМА) [Там же, с. 21], в котором объединены представительская и концептуальная модели.

Периферийную подгруппу образуют наименования мелких объединений, часть из которых в процессе развития вошла в более крупные, часть, напротив, выделилась из них, но не образовала крупного политического объединения: *Союз русских людей*; *Русское собрание*; *Кружок московских дворян, верных присяге*; *Русский монархический союз* [Политические партии России, 1993, с. 13–37]. Имелись также партии регионального масштаба: *Астраханское русское патриотическое общество*, *Тамбовская партия патриотов*, *Боевая партия русских людей* и др. [Шевцов, с. 3–6]. В этих названиях также наблюдается доминирование представительской модели.

В микрополитонимах, обозначающих течения внутри партий (*марковцы; дубровинцы; национально-историческое течение* [Политические партии России, 1993, с. 13–37]), в первых двух случаях реализована аттрактивная субмодель представительской модели, в третьем – манифестационная модель.

В ядре **либерально-буржуазной политонимии** выделяются следующие наименования: *Конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы, кадеты, 1905–1917); Союз 17 октября (октябристы), 1905–1917; Партия мирного обновления (мирнообновленцы), 1906–1907; Прогрессивная партия (прогрессисты), 1912–1917; Прогрессивный блок (1915–1917)* [Политические партии России, 1993, с. 41–76]. Во всех этих онимах реализована манифестационная модель. Интересно, что единственная партия, первоначально поименованная по идеологической модели – *Конституционно-демократическая партия*, – через год своего существования обрела дополнительное манифестационное наименование: *Партия народной свободы*. Второй (манифестационный) элемент в название партии кадетов был добавлен, когда уже функционирующая партия активно начала работать над расширением социальной базы: «В пропагандистских целях на II съезде партия кадетов получила название “конституционно-демократическая партия народной свободы”» [Шелохаев, с. 178]. Таким образом, для лучшей коммуникации с целевой аудиторией номинатору пришлось модифицировать оним в соответствии с моделью, доминирующей в данной идеологической группе.

Сокращенное наименование членов партии конституционных демократов – *кадеты* < аббревиатура КД [кадэ] + «лишняя» буква «т»; формально (но не семантически) сближается с апеллятивом *кадет* ‘воспитанник кадетского корпуса’ < фр. *cadet* [ka ‘dɛ] ‘младший’. Это можно расценивать как зарождение десемантизированной модели.

Остальные политонимы группы манифестируют в качестве цели политического действия опору на Манифест 17 октября либо абстрактные идеи – прогресс или мирное обновление.

Среди периферийных партийных объединений этой группы упоминаются девять [Политические партии России, 1993, с. 106], модели именования которых распределяются следующим образом: идеологическая – три (*Радикально-демократическая партия; Либеральная республиканская партия; Истинные либералы*); представительская – две (*шиповцы; Союз союзов*); манифестационная – две (*Союз освобождения; Партия порядка*); концептуальная – одна (*Беседа*); идеологическая + представительская – одна (*Союз земцев-конституционалистов*).

Отметим, что доминирующая в ядре данной группы манифестационная модель здесь уже не является самой популярной (всего 18 % от общего числа онимов). Ряд онимов имеет достойные внимания вторичные коннотации: *Союз освобождения* явно коррелируется с декабристскими *Союзом благоденствия* и *Союзом спасения* (на самом деле союз сформировался вокруг журнала «Освобождение», издавав-

шегося за границей [Союз освобождения, с. 341]); *Союз союзов* столь же явно позиционирует себя как представителя широкого ряда других организаций; наконец, концептуальный политоним *Беседа*, на наш взгляд, декларирует не столько отношение к действию либо к его результатам, сколько к самому процессу, что в данной политонимической ситуации необычно.

В периферии данной идеологической группы имеются также наименования, формально сходные с ядерными. К примеру, фиксируется не менее 16 периферийных *Союзов 17 октября* [Шевцов, с. 3–6]. Помимо манифестационного, часть этих политонимов включает представительский компонент: *Екатеринославская народная партия 17 октября*; *Партия крестьян, объединенных на почве Манифеста 17 октября*; *Русское общество в Варшаве, основанное на началах Высочайшего Манифеста 17 октября*; *Союз конституционной партии на основах Манифеста 17 октября Полесских железных дорог* (также имеет идеологический компонент) и др.

В других названиях представлен идеологический компонент: *Самодержавно-монархическая партия в г. Иваново-Вознесенске на основах, дарованных Государем Императором Манифестами 6 августа, 17 октября и 3 ноября 1905 г. (Иваново-Вознесенская самодержавно-монархическая партия)*; *Союз конституционной партии на основах Манифеста 17 октября Полесских железных дорог* (также отражен представительский мотив).

Третья группа октябристских названий манифестирует другие политические цели: *Коломенское общество правового порядка и Манифеста 17 октября*; *Партия прогрессивного развития страны на началах Манифеста 17 октября* и др.

Наконец, названия четвертой группы эквивалентны ядерному ониму: *Казанская партия Манифеста 17 октября*; «*Манифест 17 октября*», *общество*; и др.

Ядро **неонароднической политонимии** образуют главным образом названия различных организаций эсеров: *Партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры)*, *Партия левых социалистов-революционеров (интернационалистов)* – она же ПЛСР, *Трудовая народно-социалистическая партия (ТНСП, энесы)*, *Союз социалистов-революционеров максималистов* [Политические партии России, 1993, с. 79–110]. Доминирующей моделью является идеологическая, при этом указание на *революционеров* означает ее сочетание с манифестационной, а политоним *ТНСП* – с представительской моделями. Указание на *интернационализм* мы также склонны рассматривать как реализацию идеологической модели (как противопоставление актуальному в то время национализму).

На периферии продолжается доминирование идеологической модели: *Северный союз социалистов-революционеров* (чисто идеологическая); *Рабочая партия политического освобождения России* (идеологическая + представительская + манифестационная); *Аграрно-социалистическая*

лига (идеологическая + представительская); *Партия народников-коммунистов* (чисто идеологическая: *народники*, в отличие от *народа* – носители соответствующей идеологии); *Партия революционного коммунизма* (идеологическая + манифестационная).

Сокращение частотности идеологической модели на эсеровском фланге начинается только во время Гражданской войны, когда с участием эсеров и энесов создаются различные контрреволюционные, а затем белоэмигрантские организации: *Союз возрождения России* (манифестационная модель); *Русское политическое совещание* (идеологическая); *Союз трудового крестьянства* (представительская) и др. [Политические партии России, 1993, с. 79–110].

Ядро **социал-демократической группы**, по сути, состоит из названия одной партии – *Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП)*. Политоним образован с использованием идеологической и представительской моделей.

Частью периферии этой группы можно считать названия организаций, предшествовавших созданию партии: *Петербургский, Московский, Киевский и Екатеринославский союзы борьбы за освобождение рабочего класса*, а также *Бунд* [Политические партии России, 1993, с. 113]. *Союз борьбы за освобождение рабочего класса* – манифестационный политоним. О политониме *Бунд* (< идиш ‘союз’) скажем подробнее при рассмотрении политонимии автономистов. Можно упомянуть и *Освобождение труда* (манифестационный политоним) – название первой русской марксистской группы, созданной в эмиграции [Там же, с. 132]. Таким образом, политонимия социал-демократов эволюционировала от манифестационной к идеологическо-представительской модели (в дальнейшем – к чисто идеологическому политониму *Коммунистическая партия Советского Союза*), причем вектор эволюции коммунистов диаметрально противоположен тому, который наблюдается у кадетов и эсеров.

В микрополитонимии коммунистов проявляются те же самые тенденции, что были отмечены у консерваторов-охранителей. Помимо широко известных *большевиков* и *меньшевиков*², имеется целый ряд микрополитонимов, значение которых без погружения в контекст просто непонятно. К примеру, *ликвидаторы* получили свое наименование в силу того, что «хотели ликвидировать, уничтожить революционную нелегальную партию пролетариата» [История Всесоюзной Коммунистической партии, с. 128], а *отзовисты* – поскольку в 1908 г. часть большевиков потребовала отзыва социал-демократических депутатов из Государственной думы [Там же, с. 130]. По той же модели образованы

---

² Обозначения *РСДРП(м)* и *меньшевики* являются внешними, сами *меньшевики* предпочитали называть свою партию просто *РСДРП* [Российская социал-демократическая рабочая партия]. Некоторое время наряду с *большевиками* и *меньшевиками* действовала *Всероссийская социал-демократическая организация «Единство»* (элемент *всероссийский*, в отличие от *российский*, можно считать представительским, *единство* – манифестационным).

названия *ультиматисты, оборонцы, интернационалисты*. Поскольку эти политонимы предназначались для адресата, владеющего внутрипартийным дискурсом, мы относим их не к десемантизированной, а к манифестационной модели.

Представительская модель в версии аттрактивной субмодели также популярна: *чайковцы, искровцы, «Вперед»* (они же *впередовцы* [Там же, с. 151]), *новожизненцы* – все наименования, кроме *чайковцев*, образованы от гемеронимов.

Что касается **анархистов**, то они так и не сформировали политической партии; исследователи подразделяют их на ряд течений, деление между которыми «осуществляется исходя из различий прежде всего тактического характера» [Политические партии России, 1993, с. 141]. Поэтому выделить в этой политонимии ядро на тех же основаниях, что и в четырех приведенных выше группах, представляется невозможным, однако с известным допущением можно говорить о протоядре, критерии для выделения которого подобны, но не тождественны.

На периферии этой идеологической группы наиболее значимыми течениями указанный выше источник называет *анархо-коммунистическое* (хлебовольческое), *чернознаменское*, *анархо-синдикалистское*, а также *махаевцев*. Далее упомянуты *безмотивники, безначальцы, ассоциационисты, индивидуалисты, оборонцы, единый анархизм, анархисты-универсалисты*. После Октябрьской революции появляются *анархисты подполья* (не принявшие революцию). Названия *хлебовольческого* и *чернознаменского* течений образованы от гемеронимов: «*Листки хлеба и воли*» и «*Черное знамя*».

В целом картина напоминает внутривнутрипартийную микрополитонию: из моделей фиксируются как представительская (аттрактивная субмодель), так и манифестационная. Однако здесь же присутствует ряд идеологических онимов: *анархо-коммунисты, анархо-синдикалисты, анархо-универсалисты*. Возможно, дискурс анархистов был более ориентирован во внешний мир, чем внутривнутрипартийный дискурс социал-демократов и охранителей.

Отметим названия отдельных анархических групп и организаций, имеющих более строгую структуру, чем вышеуказанные течения. Они уже приближены к названиям партий. Зафиксированы два политонима, образованные смешанным способом: *Боевая интернациональная группа анархистов-коммунистов* (идеологическая + представительская + манифестационная модели) и *Федеративная группа анархистов-коммунистов* (идеологическая + представительская), а также пять чисто манифестационных: *Борьба; Свобода; Свободная коммуна; Безвластие; Солидарность*. Два названия (*Набат* и *Черная гвардия*) [Политические партии России, 1993, с. 142–146] отражают концептуальную модель. Можно принять (только лишь как гипотезу), что перед нами результат незавершенного процесса формирования ядерной группы, в которой бы доминировала в случае завершения этого процесса манифестационная модель.

Этот же источник дает пример специфической внешней политикой: «В эмиграции четыре центра анархистов (в Англии, США, Франции и Швейцарии, хотя отдельные группы анархистов существуют и в других странах, например в Бельгии). Российская полиция активно пытается не допустить их сближения» [Политические партии России, 1993, с. 144]. В данном случае мы имеем описательное обозначение политических объединений без наименования как такового, которое, тем не менее, может употребляться как политоним: *английский центр* (или *английский центр анархистов*); *американский центр*; *французский центр* и *швейцарский центр*. Ср. самоназвание: *большевистский центр* [Антонов].

Шестая группа – **автономисты** – представляет собой совокупность партий национальных окраин. К этому же блоку мы отнесли сионистов (пример трансграничного национализма, стремящегося не к сецессии, а к выезду и созданию государства за пределами Российской империи). Здесь, как и у анархистов, ядро выделить трудно, но по другим причинам: партии создавались в специфических исторических условиях, зачастую процесс активного их формирования проходил либо заметно раньше, либо заметно позже, чем у общеимперских партий. Тем не менее, как ни парадоксально, общеимперская организация сепаратистов все же возникла: уже в I Государственной думе был образован *Союз автономистов*, «насчитывавший в себе 120 депутатов, из которых, однако, только 63 не принадлежали одновременно и к другим партиям» [Мякотин, с. 192]. Как видно из приведенной цитаты, автономисты охотно блокировались с другими партиями, однако основным вопросом считали именно самоопределение вплоть до отделения. (Союза с русскими националистами возникнуть не могло – на этой позиции находились консерваторы-охранители, выступавшие за сохранение империи.) Предшественниками *Союза автономистов* в Думе были *польское коло*, *литовский кружок*, *украинские демократы*, *латышские демократы*, *мусульмане* [Томсинский, с. 296]. К созыву III Государственной думы *Союз автономистов* распадается на три группы депутатов: *польско-литовско-белорусскую*, *мусульманскую* и *польское коло*.

Партийная структура на местах была достаточно развитой и разнообразной: «в Царстве Польском и на Украине было по 12 партий, в Литве – 11, Латвии – 9, Финляндии – 8, Эстонии – 5 и т. д. Существовало также около десятка еврейских партий и союзов...» [Политические партии России, 2000, с. 79]. Движения различной степени структурированности имелись и в Средней Азии.

Русскоязычные наименования этих партий часто несли в себе этнический элемент: *Национально-территориальная автономия Алаш* (Алаша – древнетюркский племенной союз); *Шура-и-Исламия* (араб. ‘исламский совет’); *Шура-и-Улемия* (араб. ‘совет духовенства’); *Мусульманская демократическая партия «Мусават»* (араб. ‘равенство’); *Армянская социал-демократическая партия «Гнчак»* (арм. ‘колокол’) – АСДП; *Армянская революционная партия Дашнакцутюн* (арм. ‘союз’) – АРПД;

Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, он же просто *Бунд* (идиш 'Союз'); *Еврейская социал-демократическая рабочая партия Поалей Цион* (идиш 'Рабочие Сиона') – *ЕСДРП ПЦ*; *Эндеция* (польск. *Endecja < Narodowa Demokracja*), она же *Национально-демократическая партия* [Политические партии России, 2000, с. 260–298].

Данные онимы можно рассматривать либо как первые примеры десемантизированной (с точки зрения русского языка) модели, либо как примеры модели концептуальной. Нам ближе вторая точка зрения: политонимы имеют ярко выраженную этническую окраску, осознаваемую всеми участниками речевого акта. Хотя эта концептуализация и отличается от той, которую мы видим в русскоязычных по происхождению политонимах, она актуальна только в русскоязычном дискурсе и, таким образом, является вторичной.

Для славянских языков соответствующие элементы названий могли встраиваться в русское наименование как знаменательные и значимые слова: *Украинская партия социалистов-самостийников* – *УПСС* (укр. *самостійність* – 'самостоятельность'); *Белорусская социалистическая громада*, *БСГ* (белор. *громада* – 'общество') [Политические партии России, 2000, с. 260–298]; *Польское коло* (польск. *koło* – 'кружок') [Мякотин]. Включение в политоним этнонима можно расценивать как реализацию концептуальной модели (семантика славянских слов носителями русского языка, судя по всему, осознавалась, так что о десемантизированной модели речь не идет). Интересно, что в конце XX в. правило включения славянского слова в русское наименование как знаменательного уже не работает – ср. *Украинское движение за перестройку «Рух»* (*рух* – 'движение'; таким образом, здесь присутствует тавтология).

Иногда автономистская идея была выражена элементом, указывающим на религиозную принадлежность (*Шура-и-Исламия*) или территорию (указание на территорию предполагаемой автономии не тождественно указанию на географическую принадлежность). «Территориально ориентированные» партии возникали в процессе конвергенции национальных движений соседствующих ареалов: *Конституционно-католическая партия Литвы и Белоруссии* (ККП); *Партия активного сопротивления Финляндии* (ПАСФ); *Социал-демократия Королевства Польского и Литвы* (СДКПиЛ); *Балтийская конституционная партия* (БКП), представляющая немецкую общину [Политические партии России, 2000, с. 260–298].

Иноязычность происхождения политонимии автономистов, разумеется, выделяет ее в особую группу, отличную от предыдущих. Мы рассматриваем этот материал в общем контексте по следующим причинам. Во-первых, знак, возникший как результат перевода с другого языка, не тождественен исходному. Русскоязычное наименование *Армянская революционная партия Дашнакцутюн* (АРПД) не тождественно армяноязычному *Ай хэхапохакан дашнакцутюн* (арм. 'Армянское революционное содружество'). Во-вторых, апеллятивы типа *мусаватист* образованы по правилам русского языка, таким образом, фактами языка,

из которого был заимствован политоним, эти апеллятивы не являются. В-третьих, названия наиболее значительных автономистских партий употреблялись не только в моноэтническом дискурсе окраин.

Можно считать концептуальную модель доминирующей для данной группы политонимов.

Политонимия Государственной думы Российской империи требует отдельного рассмотрения. С идеологической точки зрения, здесь можно найти весь имевшийся политический спектр, за исключением анархистов, которые в выборах не участвовали. Политические условия работы парламента отличаются от условий работы партии вне него: на первый план выходит коммуникация депутатов между собой и с другими органами власти, а не с широкими массами потенциальных сторонников. Поэтому возможно рассмотреть эту политонимию без разделения на идеологические группы. Нами использованы два источника [Мякотин; Томсинский], данные которых в целом совпадают.

В истории Думы наличествуют два периода, разграниченные между собой так называемым Третьеиюньским переворотом (введением нового избирательного закона от 3 (16) июня 1907 г.) В политонимии первого периода (I и II Думы) фиксируются следующие политонимы:

- идеологические: *кадеты; социал-демократы; Социалисты вне партий; энесы, эсеры* (20 %);

- представительские: *Польское коло; Трудовая группа; Союз автономистов; Крестьянская партия; Крестьянский союз; Социалисты вне партий; Свободомыслящие; Литовский кружок; Торгово-промышленная партия; украинские демократы; латышские демократы; мусульмане; Казачья группа; организованные беспартийные; неорганизованные беспартийные* (60 %). Представительская модель (наиболее популярная) характеризуется тем, что большинство политонимов представляют собой аттрактивную субмодель, то есть указание не столько на социальную базу, сколько на представляемую политическую группировку. Аналогичную тенденцию мы видели в политонимии внутрипартийных течений;

- манифестационные: *Партия демократических реформ; октябристы; Партия мирного обновления; Свободомыслящие; Радикальная партия; Умеренно-прогрессивная партия; Союз автономистов* (28 %);

- концептуальные: *Польское коло* (4 %).

Учтены дважды как образованные с применением более одной модели: *Социалисты вне партий; Свободомыслящие; Польское коло*. В случае учета отдельной смешанной модели их доля составила бы 12 %.

Ряд мелких объединений был поглощен более крупными, некоторые так и не состоялись как политические единицы, например, *Крестьянская партия* – неудачный проект создания лоялистской фракции в Думе.

Присутствуют и другие черты, роднящие политонимию Думы с политонимией внутрипартийных течений: краткость наименований, тяготение к описательности, трудность различения внешней и внутренней номинации (к примеру *неорганизованные беспартийные* никак не может являться самоназванием – в реальности это было наимено-

вание неструктурированной группы не определившихся, со временем сокращавшейся), непонятность без привлечения контекста (те же *автономисты* не намного прозрачнее для понимания, чем *отзовисты* или *безмотивники*).

Политонимия второго периода (III и IV Думы) выглядит следующим образом:

- идеологические: *Фракция правых; Фракция умеренно правых; Партия центра; Группа национал-прогрессистов; Группа независимых националистов; Группа правых октябристов; Фракция народной свободы (к.-д.); Социал-демократическая фракция (40 %);*

- представительские: *Русская национальная фракция; Группа независимых националистов; Фракция земцев-октябристов; Польско-Литовско-Белорусская группа; Польское коло; Мусульманская группа; Трудовая группа; Беспартийные; Независимая группа (45 %);*

- манифестационные: *Группа правых октябристов; Фракция земцев-октябристов; Фракция Союза 17 октября; Группа национал-прогрессистов; Фракция прогрессистов; Фракция народной свободы (к.-д.); Третьеиюньский блок (35 %);*

- концептуальные: *Польское коло (5 %).*

Учтены по два раза: *Группа национал-прогрессистов; Группа независимых националистов; Группа правых октябристов; Фракция земцев-октябристов; Фракция народной свободы (к.-д.) (25 %).*

Среди поименованных объединений присутствует одно межгрупповое объединение – *Третьеиюньский блок*, октябристско-кадетское большинство сторонников Третьеиюньского переворота.

По сравнению с первым периодом, наблюдается тенденция к снижению популярности представительской модели и росту популярности идеологической и манифестационной. Идеологическая модель уже не столь зависима от партий: появляются новые политонимы, судя по всему, возникшие уже в Думе.

В первые годы советской власти многопартийность отчасти нашла свое продолжение в политонимии антисоветской эмиграции. Также в конце XX – начале XXI в. при разработке новых политонимов были попытки использовать дореволюционный политономический материал, но эти заимствования носили главным образом формальный характер. В современной русской политонимии можно обнаружить *эсеров* (одно из сокращенных наименований *Справедливой России*) и *Партию народной свободы* (она же *Парнас*).

Наиболее важный вывод из вышеизложенного исследования состоит в наличии корреляции между идеологической ориентацией партии и доминирующей моделью образования политонима. Уверенно выделяются три целевых аудитории. Первая склонна доверять представительской модели, при этом симпатизирует консерваторам-охранителям. Вторая доверяет манифестационной, симпатизирует либерально-буржуазным партиям. Третья доверяет идеологической модели, при этом ее симпатии делят между собой левые партии (неонародники и социал-демократы).

Доминирование манифестационной модели в протоядре анархистов в этой связи представляет интерес: по этому признаку они смыкаются не с левыми, а с правыми. Четвертую группу, ориентированную на автономистов и при этом доверяющих концептуальной модели, мы не выделяем: партии национальных окраин единой общеимперской базы сторонников не имели.

Микрополитонимия внутрипартийных течений демонстрирует другие тенденции, что, по всей вероятности, вызвано отсутствием необходимости привлечения широких масс сторонников.

Особый интерес представляют зафиксированные эволюционные процессы: *кадеты*, первоначально обозначив свою партию по идеологической модели, впоследствии используют манифестационную. Кроме того, политонимия Думы, где первоначально доминирует аттрактивная субмодель представительской модели, затем демонстрирует рост популярности идеологической и манифестационной моделей. Для сравнения, в этом же русле эволюционировала политонимия Госдумы РФ, в настоящий момент состоящей из двух фракций, поименованных по идеологической модели (*КПРФ* и *ЛДПР*), и двух – по манифестационной (*Единая Россия* и *Справедливая Россия*). Таким образом, выявлены два типа упрощения политонимической ситуации: для названий, ориентированных на внутрипартийный круг (представительская аттрактивная + манифестационная) и на внешний (идеологическая + манифестационная). Возможно, это является подтверждением нашей гипотезы об особенностях эволюции политонимии анархистов, где присутствуют не две, а три модели: манифестационная, аттрактивная представительская и идеологическая.

Список литературы

- Антонов Г. В. Большевистский центр // Большая советская энциклопедия : в 30 т. 3-е изд. М. : Совет. энцикл., 1970. Т. 3. С. 538.
- Доверже М. Политические партии. М. : Академ. проект, 2002. 560 с.
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) : краткий курс. М. : Правда, 1938. 341 с.
- История политических партий России / под ред. А. И. Зевелева. М. : Высш. шк., 1994. 447 с.
- Мякотин В. Государственная дума // Энциклопедический словарь : [в 59 т.] 7-е изд. М. : Т-во бр. А. и И. Гранат и К°, 1912. Т. 16. С. 174–210.
- Политические партии России (первая четверть XX в.) : справочник / под ред. Л. И. Семенниковой. Брянск : Грани, 1993. 151 с.
- Политические партии России / под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. М. : РОССПЭН, 2000. 631 с.
- Попов В. А. Системы терминов родства аканов как этносоциологический источник // *Africana* : Африканский этнографический сборник. Т. 13. Л. : Наука, 1982. С. 50–79.
- Попова Е. А. Политические партии как вид эргонимов на примере польской и русской эргонимической лексики // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 38. М. : МАКС Пресс, 2009. С. 183–191.
- Российская социал-демократическая рабочая партия // Большая российская энциклопедия : в 35 т. М. : Большая рос. энцикл., 2015. Т. 28. С. 670–672.

Союз освобождения // Большая советская энциклопедия : в 65 т. 1-е изд. М. : Совет. энцикл., 1947. Т. 52. С. 341–343.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973. 367 с.

Ткаченко О. А. Названия политических партий в Германии: терминологическая составляющая // Уч. зап. Новгород. гос. ун-та : [электрон. науч. журн.]. 2018. № 3 (15). URL: <https://www.novsu.ru/file/1450186> (дата обращения: 22.09.2020).

Томсинский С. Государственная дума // Большая советская энциклопедия : в 65 т. 1-е изд. М. : Совет. энцикл., 1930. Т. 18. С. 294–308.

Шевцов А. В. Непериодические издания русских либеральных и консервативных партий начала XX века : библиогр. указ. СПб. : РНБ, 2002. 416 с.

Шелохаев В. В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М. : Наука, 1983. 328 с

Шимкевич Н. В. Эволюция русской политонимии в новейшее время // Вопр. ономастики. Т. 16. 2019. № 2. С. 178–198. DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.021.

References

Antonov, G. V. (1970). Bol'shevistskii tsentr [The Bolshevik Centre]. In *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya v 30 t.* 3rd Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 3, p. 538.

Duverger, M. (2002). *Politicheskie partii* [Political Parties]. Moscow, Akademicheskii proekt. 560 p.

Istoriya Vsesoyuznoi Kommunisticheskoi partii (bol'shevikov). *Kratkii kurs* [A History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). A Short Guide]. (1938). Moscow, Pravda. 341 p.

Myakotin, V. (1912). Gosudarstvennaya Duma [The State Duma]. In *Entsiklopedicheski slovar' [v 59 t.]*. 7th Ed. Moscow, Tovarishchestvo brat'ev A. i I. Granat i Co, pp. 174–210.

Popov, V. A. (1982). Sistemy terminov rodstva akanov kak etnosotsiologicheskii istochnik [The Terms of Kinship System in the Akan as an Ethno-Sociological Source]. In *Africana. Afrikanzii etnograficheskii sbornik*. Vol. 13. Leningrad, Nauka, pp. 50–79.

Popova, E. A. (2009). Politicheskie partii kak vid ergonimov na primere pol'skoi i russkoi ergonimicheskoi leksiki [Political Parties as a Type of Ergonyms with Reference to Russian Ergonymical Vocabulary]. In *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Iss. 38. Moscow, MAKSS Press, pp. 183–191.

Rossiiskaya sotsial-demokraticeskaya rabochaya partiya [The Russian Social Democratic Labour Party]. (2015). In *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya v 35 t.* Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. Vol. 28, pp. 670–672.

Semennikova, L. I. (Ed.). (1993). *Politicheskie partii Rossii (pervaya chetvert' XX v.)*. *Spravochnik* [Political Parties in Russia in the First Quarter of the 20th Century. A Reference]. Bryansk, Grani. 151 p.

Shelokhaev, V. V. (1983). *Kadety – glavnaya partiya liberal'noi burzhuazii v bor'be s revolyutsiei 1905–1907 gg.* [The Kadets – the Main Party of Liberal Bourgeoisie in Fighting against Revolution in 1905–1907]. Moscow, Nauka. 328 p.

Shevtsov, A. V. (2002). *Neperiodicheskie izdaniya russkikh liberal'nykh i konservativnykh partii nachala XX veka. Bibliograficheskii ukazatel'* [Non-Periodical Publications of Russian Liberal and Conservative Parties in the Early 20th Century. Bibliographical Index]. St Petersburg, Rossiiskaya natsional'naya biblioteka. 416 p.

Shimkevich, N. V. (2016). Evolyutsiya russkoi politonimii v noveishee vremya [The Evolution of Russian Politonymy in the Post-Soviet Era]. In *Voprosy onomastiki*. Vol. 16. No. 2, pp. 178–198. DOI 10.15826/vopr_onom.2019.16.2.021.

Soyuz osvobozhdeniya [The Union of Liberation]. (1947). In *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya v 65 t.* 1st Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 52, pp. 341–343.

Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General Theory of Proper Names]. Moscow, Nauka. 367 p.

Tkachenko, O. A. (2018). Nazvaniya politicheskikh partii v Germanii: terminologicheskaya sostavlyayushchaya [Names of Political Parties in Germany: The

Terminological Component]. In *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta* [website]. No. 3 (15). URL: <https://www.novsu.ru/file/1450186> (accessed: 22.09.2020).

Tomsinskii, S. (1930). Gosudarstvennaya дума [The State Duma]. In *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya v 65 t.* 1st Ed. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Vol. 18, pp. 294–308.

Zevelev, A. I. (Ed.). (1994). *Istoriya politicheskikh partii Rossii* [A History of Political Parties in Russia.] Moscow, Vysshaya shkola. 447 p.

Zevelev, A. I., Sviridenko, Yu. P., Shelokhaev, V. V. (Eds.). (2000). *Politicheskie partii Rossii* [Political Parties in Russia]. Moscow, ROSSPEN. 631 p.

The article was submitted on 05.03.2020